

ДЕВЯНОСТО лет живет легенда о пошлости, якобы восторжествовавшей на похоронах Чехова. Особенно досталось "вагону для устриц", которому главный творец легенды – Горький придал характер зловещего символа: "Грязно-зеленое огно этого вагона кажется мне именно огромной, торжествующей улыбки пошлости над уставшим врагом..."

Сначала Горький хотел написать памфлет "Чудовище", развернув на материале похорон Чехова давно волнующую его тему "толпы", "публики". И хотя он от этого замысла отказался, первоначальный идеологический и эмоциональный заряд "борьбы с пошлостью" сохранился в воспоминаниях о Чехове, которые писались в три приема – в 1904, 1914 и 1923 годах. При этом реальные обстоятельства похорон постепенно стирались в памяти Горького, но картина "гнусной церемонии торжества пошлости" оставалась неизменной. Горький искренно верил в свой идеологический мираж и заставлял служить ему противоречащие друг другу реалии. В письме к Е.П.Пешковой, написанном тотчас после похорон, он видел "густую, жирную тучу торжествующей пошлости" в многотысячной толпе, идущей за гробом Чехова в Москве. А в тексте воспоминаний написал (и настаивал на этой искаженной картине): "За гробом Чехова шало человек сто, не более..." И теперь уже малолетство пробожающих подтверждало избранную обличительную версию...

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ картина похорон вовсе не походила на "гнусную церемонию" – ведь Россия провожала в последний путь свою литературную надежду и любовь. Сколько возмущенных слов произнесено по поводу "оскорбительного" вагона! А между тем другого способа, чтобы везти гроб по июльской жаре, не существовало: именно вагон для устриц были снабжены холодильной установкой. Чехов умер в Баденвейлере 2 июля 1904 года, в очень жаркое лето. Гроб был отправлен в Россию лишь 4-го, и предстоял пятидневный железнодорожный путь. Хоронили 9 июля в Москве. Необходимость заставила позаботиться об охлаждающем устройстве, причем вагон изнутри был убран зелеными ветками. Конечно, товарный вагон не был рассчитан на траурную церемонию, а скорбь не ждала торжественно организованного обряда. Первые венки принесли в Вильне. В Петербурге были отслужены три литии, и непрерывно шли люди с цветами, хотя не было сообщено ровным счетом ничего: ни день прибытия, ни вокзал, на котором будет стоять вагон, ни время отправления в Москву. Делегации и частные лица не знали, куда и когда направиться, метались с Варшавского на Николаевский вокзал. Некоторые опоздали, однако и они отправили свои венки с курьерским в Москву, вдогонку траурному поезду.

Вагон с телом Чехова прибыл на Варшавский вокзал Петербурга 8 июля в 8 часов 45 минут утра. По свидетельству Ф. <Н.Е.Эфрона>, корреспондента "Новостей дня" (9 июля 1904 г.), надпись "вагон для перевозки устриц" "минут через двадцать" после прибытия была закрасшена "густо зеленою краскою". До этого ее могли видеть человек 10–12. И среди них оказался репортер "Биржевых ведомостей" – некто Вс.Суходрев, который спешил сдать свой материал в сегодняшний номер вечернего выпуска и потому пробыл у вагона очень недолго, даже не дождался первой литии, состоявшейся в 10 часов утра. Он-то и оповестил о "вагоне для устриц" в торопливой и неточной заметке, рассчитанной на скандалезный эффект. На следующий день в Москве корреспондент "Русской правды" (10 июля 1904 г.) уже знал о злополучной надписи и, не обнаружив ее, провел целое "разыскание": обогнул вагон с обратной стороны и все-таки нашел искомое. И вновь оповестил о сенсационной надписи в своей газете. Правда, оговорившись, что с передней стороны вагона она замазана "чьей-то протестующей рукой".

Таким образом, благодаря торопливо-

сти одного репортера и излишнему усердию другого, злополучная надпись пошла гулять по свету. О ней стали писать даже те, кто заведомо не мог ее видеть, в частности Горький, Куприн. Из предусмотрительной и неизбежной меры вагон превратился в метафорическую "улыбку пошлости" и дал повод для "протестующей" фразеологии.

Между тем две газеты, в которых в разное время сотрудничал Чехов, – "Новое время" и "Русские ведомости" (более всего писавшие о смерти и похоронах) проявили такт и не сочли уместным даже упоминать о типе вагона, понимая, конечно, реальную необходимость холодильной установки.

Чехов А. Антон Павлович 1.06.94.
Лит. газ. - 1994. - Июнь. - с. 6

Как рождаются фантомы

Составной частью легенды стало также противопоставление московской и петербургской встречи, "странной и малолюдной", как писали авторы специального исследования о похоронах Чехова (М.Долгинский, С. Черток. Последний путь Чехова. – "Русская литература", № 2, 1962). В частности, по их описанию получалось, что лишь одна петербургская литературная редакция (нововременская!) прибыла с венком к траурному поезду. Между тем даже "Новое время" (9 июля 1904 г.) общало о венках от издательства "Знание", журналов "Русское богатство", "Образование". Другие газеты называли венки от "Мира Божьего", "Журнала для всех", журнала "Правда". Следовательно, все основные демократические ежемесячники Петербурга приняли участие в траурной церемонии.

Так ли уж пустынно выглядело петербургское прощание, если учесть летнее, глухое время и неразбериху с извещениями? Корреспондент "Русских ведомостей" (9 июля 1904 г.) был очевидцем прощания на Николаевском вокзале в Петербурге, где собралось несколько делегаций с венками:

"Мы заметили следующие: венок от Союза драматических писателей (из вишен, вишневых листьев и цветов), роскошный венок из живых цветов от "Русского богатства", от А.С.Суворина, от редакции "Нового времени", громадный венок от "Новостей", от "Биржевых ведомостей", изящный венок от артистов Им-

ператорской драматической труппы, от учащейся молодежи, от А.Ф.Маркса, от редакции "Нивы", от "Петербургской газеты", от кассы взаимопомощи литераторов и ученых, цветы от медичек и курсисток, цветы от детей земляков, от таганрогцев, от женщины-врача и т.д. <...> При пении "вечная память" вся публика как один человек присоединилась к хору; слышны были громкие рыдания. По окончании панихиды поезд медленно тронулся; толпа, обнажив голову, продолжала петь "вечная память" и не расходилась, пока поезд не скрылся из глаз".

ДОКУМЕНТЫ из архива В.Г.Короленко с достоверностью живой жизни объясняют, почему петербургские прощания были недостаточно организованными и стихийными, не имели единого центра во времени и пространстве. Сам Владимир Галактионович отдыхал в Джанхоте, на Кавказе. О перипетиях петербургской встречи узнавал от своих коллег по редакции "Русского богатства" – Петра Филипповича Якубовича и Алексея Васильевича Пешехонова. Кроме того, чрезвычайно важное сообщение сохранилось в письме члена редакции "Мира Божьего" Ф.Д.Батюшкова от 15 июля 1904 года. Известие о смерти Чехова застало Батюшкова в Петербурге, но он вынужден был отвезти в имение своего больного отца, рассчитывая попасть на обратном пути на похороны в Москву. Причем заранее доставил в редакцию "Русской мысли", где был один из центров организации похорон, серебряный венок от журнала "Мир Божий". Ему-то О.Л.Книппер и послала две телеграммы о прибытии поезда с телом Чехова в Петербург (одну – для передачи П.И.Вейнбергу, которого по привычке все считали руководителем Литературного фонда, хотя в тот год председателем был Э.Л.Радлов). Телеграммы пришли в отсутствие Батюшкова, а в редакции "Мира Божьего", по его словам, "ничего не сделали". Однако находившийся в Петербурге критик "Мира Божьего" В.П.Кранихфельд все

же сообщил о телеграммах в Литературный фонд С.А.Венгерова, а также возложил еще один венок от редакции в Петербурге. Сам Батюшков, знакомый Чехова и Ольги Леонардовны, сделал бы больше и, уж конечно, информировал бы редакцию "Русского богатства", которую возглавлял его близкий друг Короленко. О.Л.Книппер, не увидев среди присутствовавших тех, кому послала телеграммы, была в полной растерянности.

Итак, редакция "Русского богатства" осталась, как и многие, в неведении и вынуждена была руководствоваться противоречивыми сообщениями газет. 7 июля 1904 года Пешехонов писал Короленко,

О похоронах Чехова, "торжестве пошлости" и "вагоне для устриц"

что они послали скорбную телеграмму в Москву, в редакцию "Русской мысли", срочное распоряжение в собственное московское отделение о возложении венка. Второй венок решили возложить на вокзале в Петербурге: "Сегодня я полдня ездил, чтобы узнать что-нибудь точнее о том, когда и как провезут. Никто ничего не знает. На вокзале даже высказали предположение, что его провезут по передаточной ветке (это более, чем сомнительно)".

О том, что произошло 8 июля в Петербурге, сообщил Короленко Якубович (псевдоним – Мельшин), автор книги о русской каторге "В мире отверженных", о котором Чехов отозвался в 1899 году: "Мельшин стоит особняком, это большой, не оцененный писатель, умный, сильный писатель..."

"Дорогой Владимир Галактионович! – писал Якубович 8 июля 1904 года. – Наконец-то, вчера получил я от Вас давно жданные и желанные письма... Но прежде, чем ответить на них по пунктам, расскажу, как проехали сегодня через Петербург гроб А.П.Чехова! Ал.Вас. уже описывал Вам подробно, как суемились мы перед этим по поводу венка от "Русского" <богатства>, как нелепо вели переговоры с моск. отд. и проч. Почему-то нам не пришло первоначально в голову мысли, что для того, чтобы попасть из Берлина в Москву, надо проехать через Пб.; а потом, когда узнали об этом, сбился нас с толку телеграмма Иоллоса (в "Русских" ведомостях) от 6 июля), категорически утверждавшая, что в Петербурге гроб будет только в пятницу, 9-го. Вчера, в среду, Ал.Вас. нигде в городе не мог узнать ничего путного (ни на одном из вокзалов никто ничего не знал). На телеграмме Иоллоса мы и успокоились, решив, что успеем вовремя заказать венок из живых цветов. Каково же было мое удивление, когда сегодня в 11-м часу утра, сев читать газеты, я узнал, что вчера, 7-го, гроб уже был в Вильне, что в 8 ч. утра сегодня он должен был проехать через Петербург. Для очистки только совести помчался на Никол. вокзал, в слабой надежде застать еще там печальное шествие. И вот оказалось, к счастью, что гроб стоит еще на Варш. вокзале, на Николаевском же будет лишь около 3 часов. Кое-как, с большими хлопотами и волнениями, удалось нам собраться, сговориться и соорудить – до-

вольно красивый – венок (из белых лилий и белых роз, с пучком красных пионов в середине) и с той же надписью, которая будет и на московском венке: "Певцу сумрачных дней – "Русское богатство". В конце концов, еле успели возложить на гроб, причем слышно было, как В.Розанов, прочитав надпись, сказал: "Какое фразерство!" – чем я, автор надписи, по обыкновению, был немало смущен... Но потом утешился, когда Ал.Вас. увидел подобную же (более красивую, правда) надпись на каком-то другом венке (не "Мира ли Божьего"?): "Прекрасной звезде сумеречной эпохи"... Петербургская встреча и на Николаевском и еще более, говорят, на Варш. вокзале была довольно-таки мизерная, хотя виноваты кругом не петербуржцы, а Иоллос и другие заграничные устроители похорон, не телеграфировавшие точно о времени прибытия ни в одну из петерб. газет, ни в один журнал. Зато в Москве похороны выйдут, вероятно, грандиозные..."

Ник. Фед. <Анненский> уже писал Вам, что мы непременно ждем от Вас некролога для июльской книжки. На случай, пишу и я небольшую статейку. Если Ваша успеет прийти к 15-му июля, Ваша пойдет в качестве некролога, моя в "Случайных" заметках; если придется поместить в качестве некролога.

Какой ужасный год: на мрачном фоне войны, за каких-нибудь пять месяцев, три тяжелых утраты – Михайловский, Верещагин, Чехов..."

На следующее утро Якубович приписал: "И сегодня у меня большое недовольство надписью "Певец сумрачных дней! Вообще, двусмысленно и неопределенно... А каково Ваше первое впечатление? Одно утешение: надписи эти – не для вечности..."

Короленко срочно написал статью "Памяти Чехова" и "проскакал в седле 40 верст по тропической жаре", чтобы попасть в Геленджик к отправке почты. И хотя российские порядки все же задержали отправку пакета на два дня, редакция терпеливо ждала, извещенная телеграммой. В результате "Русское богатство" явилось первым толстым журналом, откликнувшимся на смерть Чехова (номер вышел 28 июля). "Как хорошо Вы написали про Чехова, – отозвался Батюшков 12 августа 1904 года, – это лучшее из всего, что о нем было сказано". Короленко писал о чеховской печали и о "великой драгоценности" его таланта – и ни звука о борьбе с пошлостью, тем более "торжестве" ее. Писал о том, что признание широкой читающей публики пришло к Чехову сразу после первого сборника и не покидало его. Именно в таких поминальных откликах русское общество прощалось с Чеховым.

В 1933 ГОДУ, когда легенда о пошлости похорон Чехова прочно утвердилась в ряду рассказов "о темном прошлом", было затеяно перезахоронение праха Чехова. 3 декабря 1933 года критик А.Б.Дерман писал бывшему члену редакции "Русского богатства" А.Г.Горнфельду: "Получилось, как в Худож. театре из ненаписанной пьесы Чехова. Знаете, Аркадий Георгиевич, никакими словами не выразить, как было печально на душе. Из артистов Худож.театра ("это твой театр" – из обращения Немировича-Данченко к Чехову на юбилее) было 3 человека". И никто тогда не подымал шума в печати о "странной и малолюдной" картине на Новодевичьем кладбище...

Москва прощается с Чеховым. 9 июля 1904 г.